

СТАСС БАБИЦКИЙ ПЕРЕЛЁТНЫЙ ЖЕНИХ

книга первая

Стасс Бабицкий
Перелётный жених.
Книга первая

Серия «Перелётный жених», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21547744
ISBN 978-5-907403-09-3

Аннотация

Лев Мартынов, помощник депутата Государственной Думы, чувствовал себя властелином мира. Ну, то есть помощником властелина мира. И не предполагал, что в одно ужасное утро его жизнь вспучится гроздью проблем и полетит под откос. Придется бежать, скрываться и снова бежать. Судьба подбросила ему невероятный квест, где будет все: полиция, цыганский табор, бордель для верных жен, загадочные убийства, парижская сирень и много-много самолетов. Казалось бы, при чем тут любовь? Но и она тоже встретится.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Бегущий по облакам	11
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Стасс Бабицкий

Перелётный жених.

Книга первая

Пролог

Лев Мартынов:-) наслаждается жизнью

4 апреля, 7:40

Большая Грузинская улица, Москва

Закрытая запись

За секунду до пробуждения спящий разум успел-таки породить чудовище: огромный шмель с лицом генерального прокурора и телом, слепленным из мыльных пузырей, вынырнул откуда-то из-за штор и навис над кроватью. Красные крылья, с которыми и дракону не стыдно было бы на публике показаться, трепетали в хаотичном ритме. Шелковая простыня поползла на пол, однако монстр успел пригвоздить ее длиннющим жалом. Жужжание звучало угрожающе, хотя и постоянно прерывалось. Дыхалка у полосатого слабовата.

Жжжжжж.

Пауза.

Жжжжжж.

И опять тишина.

Жжжжжж.

Прямо не шмель, а телефон с вибровывозом.

Лев вцепился в неожиданную мысль, подоброщенную древним инстинктом самосохранения. Сквозь защитный кокон режима «Не беспокоить» мог пробиться входящий звонок с единственного номера, а не ответить шефу – в любое время дня и ночи – тяжкий грех. Депутат Кнутов-Пряницкий требовал от своего помощника круглосуточной преданности. Не открывая глаз, нашарил под подушкой мобильник.

– Алло...

Прозвучало это хрипло и жалко.

– Дружочек! – а вот голос из трубки лучился дружелюбием и бодростью. – Ты дома?

Пришлось приоткрыть один глаз и осмотреться. Взгляд метнулся безумным мотыльком от большого окна во всю стену, пробежал по золоченой лепнине на потолке, – что-то виноградно-узорчатое, в античном стиле, – и упал в изнеможении на белоснежный рояль.

– Нет, Альберт Валентинович, не дома. Я вчера с девушкой в клубе познакомился. К ней ближе было ехать.

– Повезло. Я, честно говоря, прежде думал, что твоя кобелиная натура до беды доведет. А видишь, наоборот, выручила, – констатировал депутат, прихлебывая чай. Хотя может быть и коньяк. – Домой не суйся. Они, скорее всего, уже поджидают.

– Кто? – все еще жалко и хрипло.

– Кто-кто, дяди в кожаных пальто, – Кнутов-Пряницкий с жадностью всосал ломтик лимона. Сочного, желтого, такого, знаете, из самого сердца Сицилии. Хотя, откуда вам знать, они в России в продажу не поступают, эксклюзивные поставки от итальянских фермеров. – Как раз сейчас идут меня арестовывать...

Первоапрельский розыгрыш? Не похоже. У шефа нет чувства юмора. Да и не шутят об этом, чтоб не накликасть беду. Или... Весь апрель никому не верь?

– Люди добрые заранее звякнули, а охранники из окна три машины углядели. Успели лифты заблокировать. Пока спецназ допыхтит до 34 этажа, пока отдышится, да потом еще в дверях с моими архаровцами потолкается... Короче, я успел сжечь папку с опасными бумагами, прямо в сейфе. Теперь можно и в наручники.

– В наручники?

Лев щипал себя за правое ухо, не участвующее в процессе общения – он всегда так делал, когда приближалась паника.

– Ты совсем пьяный что ли?! – депутат сыпанул в голос еще пару горстей дружелюбной веселости. – Разумеется, в наручники. И когда мы выйдем из подъезда, рядом «случайно» окажутся журналисты правильных телеканалов. А потом меня запрут в СИЗО. Не зря же две ночи подряд моряк в тельняшке снился, палец к губам прикладывал.

Из трубки повеяло холодом и сыростью. Даже плесенью

запахло. Не приятной, добавляющей пикантности французским сыром. Нет, черной плесенью, растущей в подвалах и казематах. Образ каменного подземелья, наполовину затопленного и ощетинившегося орудиями пыток, вытеснил из головы все прочие мысли. Здравый смысл жалобно поскуливал где-то в пятках.

– У тебя, дружок, осталось два часа. Три – максимум. Натягивай штаны и беги.

Панику сдержать не удалось: все тело мгновенно свела судорога. Мышцы деревянные – не пошевелиться. Язык во рту ворочался с трудом, словно весил тонну.

– Ку... куда?

– В ближайший аэропорт. Загранпаспорт с тобой?

Лев вылушил пару горошин из стручка воспоминаний. Вчера вечером из Амстердама прилетел, багаж домой забросил и сразу в клуб. Не переодевался, внизу же таксист с включенным счетчиком. Тик-тик... Выходит, оба паспорта остались в кармане пиджака.

– Садись на любой рейс в Европу. У тебя же шенгенская виза открыта? Превосходно. Затеряйся на пару месяцев, пока я сложности разруливать буду.

Паника. Паника, в каждой клеточке тела. Клеточке... Опять намек на тюрьму, в самом организме заложен. Паника. Паника!

– Г-где?

– Да хоть в Дортмунде! – взорвался депутат. – Найди

кого-нибудь из наших зарубежных партнеров, понадежнее. Они тебя схоронят.

– Альберт Валентинович, не надо хоронить. Умоляю! Я никому не скажу!!!

– Тьфу, дурак! Спрячут они тебя. Не светись до лета, и все. Больше ничего не требуется.

Паника перешла в новую стадию: тело стало мягким и растеклось по кровати, затопляя ямку, продавленную за ночь в матрасе, разливаясь все шире, перетекая через мирно сопящую Карину (вроде так ее зовут?!), капая на паркет и собираясь дрожащей лужицей у кресла. Только здесь Лев нашел в себе силы встать на ноги, моментально проходя нелегкий путь от амебы до человека прямоходящего. А до человека разумного не удалось эволюционировать. В голове по-прежнему пустота, которую заполняет голос шефа.

– Выдумай повод, чтоб уехать красиво. Пусть выглядит не как бегство, а будто ты отпуск взял и личные дела устраиваешь. Невесту сочини, свадьбу скорую или еще что-нибудь, далекое от нашей работы. Пооригинальнее, да? С безуминкой... Напиши в соцсетях, где ты там регулярно отмечаешься. А если все же перехватят – в Москве или за кордоном, – молчи. Про все молчи. Особенно про лес!

Последние слова депутат произнес шепотом, а дальше все перекрыл оглушительный треск – где-то там, в элитной квартире, выломали элитную дверь. Щепки красного дерева полетели во все стороны, вперемешку с короткими гудками.

Лев застыл в идиотской позе. Поймал свое отражение в зеркале и покраснел: тридцатилетний красавец с высокими скулами и идеальным носом, плечи широченные, кубики на животе, правда, уже заплывают жирком, но не критично... Знойный мачо, а корячится с поднятой ногой и недонадетой штаниной. К счастью позор длился недолго. Человек прямоходящий рухнул на дубовый паркет, скатившись по дарвиновской лестнице назад, к бесхребетным амебам.

От шума и грохота проснулась Карина (или как там ее). Приподнялась на локтях... Лев давно заметил, что каждая женщина из всего многообразия движений, выбирает именно те, что подчеркивают достоинства ее фигуры, отмечая остальные за ненужностью. А в наиболее эффектных позах обязательно замирает не меньше, чем на пять секунд: пауза дает возможность мужчине пережить чудное мгновение. Запомнить навсегда, как она приподнялась на локтях, потягиваясь и выгибая спину; как волосы безудержным потоком волнистых завитушек рассыпались по ее плечам, соскальзывая на обнаженную грудь; как губы, чуть прикушенные от избытка эмоций, застыли в беззвучном призыве; а взгляд из-под ресниц отрезвлял и пьянил одновременно.

– Кофе сварить? – спросила она.

Лев помотал головой, суетливо повязывая галстук. Хотя нет, страх и так душит, зачем еще одна удавка?! Сорвал трехцветную ленту, сунул в карман брюк.

– Прости. Надо бежать.

Пригладил рукой взлохмаченную гриву, потянулся за пиджаком, краем глаза заметил на столике в прихожей солнцезащитные очки. «Авиаторы». Стекла-капли отливали синевой.

– Это чьи?

Впрочем, ответ легко угадывался.

– Мужа.

Лев примерил на себя и съежился: голова карининового супруга, судя по размеру очков, не уступала школьному глобусу. Или волчьей башке с оскаленной пастью, висящей над дверью. Ох ты, блин, а муж-то еще и охотник... Новая волна страха попыталась вспучиться в мозгу, но где ей, крохотной, пробиться через девятый вал паники.

– Не переживай, он в командировке.

Карина встала с кровати и подошла поближе. Обняла сзади, заглядывая в зеркало через его плечо. Заботливым жестом отряхнула пылинки с темно-серого пиджака, пошитого на заказ в Италии.

– Значит, не страшно, что я больше не позвоню?

Она нахмурилась в притворной обиде. Потом рассмеялась и шлепнула его по спине. Хотя нет, чуть пониже.

– Удачи, кот!

Часть первая. Бегущий по облакам

Лев Мартынов:-(в шоке

4 апреля, 8:05

Белорусский вокзал, Москва

Закрытая запись

У входа в метро две девицы с подозрением рассматривали небо.

– Как думаешь, ливанет?

– Не. Не ливанет.

– А мне кажется, ливанет. Ровно на полпути. Вряд ли успеем добежать...

– Успеем!

Оптимистка балансировала на высоченных каблук-шпильках, но забега, очевидно, не боялась. А еще на ней были серые джинсы, буквально звеневшие от втиснутого в них жирка, и разноцветная ветровка с капюшоном. Девушка улыбалась, ничуть не стесняясь брекетов. Ее подруга нарядилась на французский манер: короткое платьице, липнущее к стройным ногам, а сверху небрежно наброшена кожаная «косуха». И ядовито-желтые кроссовки.

«Им бы обувь поменяться, – неожиданно подумал Лев. – Тоже мне, кошки Шредингера. Стоят, рассусоливают. Сколько не спорь, а пока не побежишь – не узнаешь...»

Утренние толпы на улицах обычно дико раздражали, но сегодня Лев обрадовался людской толкучке: проще затеряться. Ввинтился в разномастный поток на привокзальной площади. Брезгливо поморщился. Запахи от некоторых персонажей исходили ужасные. Будто грязный носок набили чесночной колбасой, тухлыми яйцами и давно не мытыми гномами-онанистами, да еще облили забродившей сивухой... Как он раньше этого не замечал? В последние пять лет Лев ездил в служебном мерседесе или собственном лексусе: помощнику депутата метро не по статусу. Но раньше... Пока учился на юридическом, жил в общежитии и подрабатывал разгрузкой вагонов по ночам. Тогда он встраивался в толпу словно икеевский винтик в специально просверленную дырку. Идеально. Ловил ритм, ускорялся и лавировал, топтался вместе со всеми у перехода на кольцевую линию, переступая с ноги на ногу, по-пингвиньи раскачиваясь из стороны в сторону. Подхватывал чемоданы красивых девушек, помогая преодолеть ступеньки. Старушек тоже выручал – ох уж эти вечные хозяйственные сумки на колесиках, с виду не тяжелые, но при этом совершенно неподъемные. Спасибо, внучек, дай тебе Бог... Лев кивал и убегал, не дослушав, потому что был скромным мальчиком.

Добрый и скромным.

Был.

А может и не был? Слишком легко слетела с него вся эта морально-нравственная шелуха, не устояла под золотой ла-

виной. Поманил Кнутов-Пряницкий в предвыборный штаб и началась совсем другая жизнь. Крутые тачки, крутые телки, крутые бабки. Крутые дела на миллионы долларов! Из-за них теперь приходится бежать, поминутно вляпываясь в грязные лужи и чьи-то плевки. А чем все это кончится неизвестно.

Выдох. Вдох. Задержать дыхание.

Лев прочел десятки полезных книг про бизнес-стратегии и прочую мотивацию, поэтому точно знал: любую задачу, самую сложную, невыполнимую на первый взгляд, нужно разбить на этапы. Короткие и простые. Тогда все получится. Память услужливо подсунула шаблон чек-листа, осталось мысленно заполнить.

1. Добраться до аэропорта.
2. Сесть в самолет.
3. Улететь в Европу.
4. Найти надежного человека.
5. Затеряться!

Шаг за шагом. Выдох. Вдох. Никаких проблем.

Ну, почти...

– Паспорт! – потребовала строгая дама в кассе.

Хорошо, что не у него, Лев пристроился к хвосту небольшой очереди и наблюдал, как кассирша вбивает в компьютер данные пассажирки с двумя детьми и тремя баулами.

– Побыстрее бы, де-евушка, – заискивающе торопила та, посматривая на часы. – Не успеем на ближайший.

– Смотрели утром телевизор? Теракты в Европе. Усиленный контроль в связи с угрозой, – отрезала кассирша.

Она тыкала в клавиши с брезгливым отвращением, будто давила клопов.

Паника. Паника... Документы показывать нельзя. Кто знает, вдруг уже объявили розыск, скрутят-свяжут. Все тот же древний инстинкт выгнал Льва из очереди и подтолкнул к терминалам по продаже билетов. В них тоже нужно было вводить паспортные данные, но ведь машину можно и обмануть. Иванов Иван Иванович, номер и серия от фонаря. Проглотила, глупая железяка! Теперь оплатить и вперед.

Он достал портмоне с золотым тиснением. Карточки, доллары и евро. Кучеряво живете, господин помощник депутата! Фееричненько. Не успел вчера поменять, да-да. Но в этой стране рубли пока еще никто не отменял. Надо быть ближе к народу-то.

Обменник? Исключено, там тоже потребуют паспорт. Продать по выгодному курсу одному из праздно шатающихся пассажиров? Свистнут полицейского. Незаконные валютные операции – повод задержать. Тогда уж не выкарабкаешься. Карточкой расплатиться! Лев поднес кусочек позолоченного пластика к мигающей щели... И представил комнату, утыканную огромными экранами. Возле самого большого, в пол-стены, разрисованного под карту Москвы, сидит задумчивый человек в погонах. Вот он расплывается в улыбке, машет руками, подзывая остальных, тычет пальцем в экран –

смотрите! Проявился. У Белорусского вокзала мигает предательский огонек... Отследят карточку, как пить дать. Что купил Левушка? Билет на аэроэкспресс. Сообщите в Шереметьево, пусть его встречают и под белы ручки...

Вызвать машину через приложение? Безналичный расчет и все такое... Снова пригрезился человек в погонах, улыбнулся и покрутил пальцем у виска: огонек на экране стал перемещаться, показывая маршрут. Нет, нет, нет! Так даже в аэропорт не доедешь. Арестуют по дороге, где-нибудь на Соколе.

Ладно, на привокзальной площади какие-то сомнительные таксисты дежурят. Командир, за доллары повезешь?

Лев Мартынов:-(в безнадежной ситуации

4 апреля, 9:43

Международный аэропорт Шереметьево

Закрытая запись

Лев решил пройти металлоискатель на входе в аэропорт с видом спокойным и немного скучающим. С бесцельной улыбкой, рассеянно не замечая полицейских с их автоматами...

Твою же мать! Зачем он посмотрел на автоматы? Теперь уже спокойно не получится: ноги превратились в растекающийся кисель, руки – в дрожащее желе. А ведь настраивал себя в такси: бояться нечего. Допустим, арестуют. Доказа-

тельств нет. На допросах по-любому в несознанку, все ведь в доле, деньгами повязаны.

Но они же начнут выбивать признания. Паяльником жечь. Телефонным справочником дубасить. В камеру к уголовникам на ночь посадят. Или еще хуже: вот из этого самого автомата, при попытке к бегству из страны...

– Вам нехорошо? – крепкая рука подхватила его под локоть.

Лев съежился под взглядом сержанта полиции. Суровым взглядом, лишь слегка подернутым заботой, как танковая броня – изморозью.

– Н-нормально.

– Тогда проходите, не задерживайте!

Шагнув сквозь серую рамку, Лев перешел в новое агрегатное состояние. Был он сегодня уже и твердым, и жидким, а теперь превратился в летучий газ. Просвистел, свободный, словно ветер, в международный сектор, к табло на вылет.

Так.

«Аэрофлот» – сразу нет. Эти моментально сообщат куда следует, если фамилия уже в розыске. Через час вылетают Финские авиалинии. Прямой рейс до Хельсинки. Посадка заканчивается. Беру! Один билет в первый класс. Без багажа. Заплачу в евро? А, вам все равно... Господи, вот же она, свободная Европа, все ближе и ближе!

Новый порыв ветра распахнул зеркальные двери VIP-зала. Здесь никаких плевков и луж. Никакого народа. Избран-

ная публика. Досмотр ненавязчивый, кончиками пальцев. Туфли из кожи крокодила снимать не заставляют. Пограничный контроль приветлив и любезен. Но девушка в зеленом мундире слишком внимательно рассматривает его загранпаспорт.

– Дайте еще один документ! Вы на этой фотографии не похожи.

Без «пожалуйста» и «извините за неудобство». Все-таки объявили в розыск. Может барышня уже незаметно нажала тревожную кнопку под столом. Вызвала спецназ. Хотя... Серьги-то с бриллиантами и маникюр явно не в Бирюлево сделанный. Вряд ли в VIP-зале самые принципиальные пограничники. А, была не была! На нем уже столько статей висит, что взятка должностному лицу при исполнении карму не испортит. Двести, нет, триста долларов. Для надежности.

Лев свернул купюры пополам, точно книжицу или удостоверение. Привычка коррупционера: везде же камеры повешены. Протянул в окошко. Пограничница ловко пролистала, шевеля губами – пересчитывала на ходу. Последней попалась купюра в сто баксов. Девушка взгляделась в портрет древнего американского президента, сравнила с фото на экране компьютера.

– Нет, определенно не похожи. У вас благородная проседь, а тот молодой, симпатичный, – бесстрастно проговорила она и поставила штамп в загранпаспорт. – Счастливого пути, мистер Франклин!

Лев Мартынов – >> путешествует в Финляндию
4 апреля, 11:10

Международный аэропорт Шереметьево
Закрытая запись

Чуть не забыл! Надо же опубликовать тот бред, что по дороге набросал для соцсетей, вспоминая сочные куски из Жюль Верна и высасывая из пальца остальное. Легенда, конечно, туши свет. Зато про невесту. Как заказывали, Альберт Валентинович!

Переделывать некогда. Самолет выкатился на полосу и замер перед стартом. Через мгновение рванет с места, вжимая пассажиров в кресла. Стюардесса смотрит укоризненно, пора телефон выключать. Все, все!

Лев нажал кнопку «отправить».

Теперь уж точно назад дороги нет.

Лев Мартынов:-* влюблен
4 апреля, 11:11

Международный аэропорт Шереметьево
Доступно: всем

«Друзья!

Сделаю одно важное признание. Я люблю девушку, чистую, светлую, волшебную. И она отвечает мне взаимностью. Мы хотим всегда быть вместе, встречать

рассветы и провожать закаты, растить детей и нянчить внуков. Это величайшее счастье!

Однако ее отец, человек богатый и влиятельный, против нашего брака. Он отдаст дочку за меня лишь при одном условии: если сумею облететь весь земной шар на самолетах, не потратив на это ни копейки. Такой у него каприз...

Условия пари мы заверили у нотариуса. Если я осилю это путешествие, отец невесты уже не сможет отказаться от данного слова! И знаете что? Я смогу это сделать. Ради истинной любви. Пусть придется пролететь семь небес, да хоть бы и семьдесят семь!

Полагаюсь на свою удачу и вашу поддержку. Люди мира, очень нужна помощь. Перешлите это сообщение друзьям или поставьте лайк. Летчики, стюардессы, все кто может подвезти до Экватора – пишите комментарии.

Помогите мне добиться руки и сердца любимой!»

Лев Мартынов:-(в тягостных мыслях

4 апреля, 13:01

Международный аэропорт Малми, Хельсинки

Доступно: друзья поблизости

Нет, он не боялся летать.

Никогда не впадал в истерику на борту, не кричал истощенным голосом и не напивался до бесчувствия, подобно другим аэрофобам. Умел объяснить и шестилетнему ребенку, и сорокалетней женщине, – поверьте, второе гораздо слож-

нее, – что удерживает железную громадину в воздухе. Знал все про эффект крыла и воздушные ямы. Не испытывал навязчивого желания вцепиться в подлокотники кресла в те пугающие моменты, когда самолет заходит на вираж, подбрасывая одно крыло вверх, или выпускает шасси, отчего весь корпус вздрагивает, как пистолет после выстрела.

В довершение ко всему, Лев обладал коллекцией из трех тысяч инструкций по авиационной безопасности. Да, тех самых, что пассажиры находят в кармашке переднего кресла и обычно используют вместо веера (сорокалетние тетки) или для хранения жвачки (шестилетние дети). Начал их собирать на первом курсе, правду сказать, не из большого интереса к аварийным посадкам и спасательным жилетам, а потому, что на них написано: «Не уносите из самолета!» Уже тогда проявлял склонность идти против законов и предписаний. Он чувствовал себя комфортно в полете и не поддавался панике. Мог часами смотреть из иллюминатора на белые загривки облаков, убегающих к горизонту. Но стоило только глянуть вниз на малюсенькие домики, машинки и поезда, едущие по ниткам дорог, на крошечных людей, которые отсюда, с двух километров над землей смотрятся нелепой погрешностью, типа мушиного помета...

Лев боялся высоты.

Во время полета всегда наступал момент, когда он осознавал, насколько высоко забрался, и как больно отсюда падать – если что, – и сердце сжимали ледяные пальцы па-

нического ужаса. А сегодня страха не было. Беглец с большим аппетитом позавтракал курицей или рыбой (не запомнил, хотя было вкусно) и прильнул к иллюминатору. Безошибочно опознал аэропорт Малми – маленькую серебристую таблетку посреди пробивающейся зелени. Луга исчертили взлетно-посадочные полосы, которые почему-то шли крест-накрест. Сверху они выглядели как неряшливая буква А или пентаграмма, начатая, но не дорисованная древним колдуном.

Турбины взревели, когда самолет пошел на снижение, но негромко и вежливо, чтобы никого в салоне первого класса не побеспокоить излишним шумом. Двигатели делали на заводах Роллс-Ройса и кресла для пассажиров там же. Вообще Аэробус-350 походил на легендарную машину по части роскоши. Один встроенный мини-бар в ручках кресел чего стоит. Но, кстати, стоит изрядно! Лев влил в себя пару маленьких бутылочек, чтобы унять дрожь, а когда принесли счет... На земле на эти деньги можно бухать неделю. Здравый смысл подсказывал, что нельзя напиваться, нужна свежая голова. Организм не соглашался: я, говорит, пребываю в состоянии стресса и срочно нужно расслабиться.

В хлам.

В лос-ку-ты!

С этим намерением Лев вылетел в трубу, расталкивая степенных финских бизнесменов и на ходу набирая номер.

– Алло, Жук! Я прилетел в Хельсинки. Где тут поблизости

можно накатить?

– В Петербурге, – флегматично ответил Сашка Жуков, канцелярист российского посольства. – Сегодня же будний день, до вечера тебе ничего крепче пива не обломится.

Лев выругался вполголоса, отчего проходящие мимо девушки шарахнулись в сторону.

– Понимаю, братиш. Видел новости про Альберта, нашего, Валентиновича. И пост твой читал, – хохотнул Сашка. – Невеста, строгий папаша... Что за бред? У тебя каждую неделю новая барышня, а от обручальных колец ты обычно убегаешь, как Сара Коннор от Терминатора в первой серии. Или это ложный след? Надеешься, что прокурор начнет допрашивать твоих девиц и завязнет на полгода?

– Давай об этом не по телефону. Мало ли что, – Лев представил все того же человека в погонах: сидит, нацепив наушники на холодную голову, прислушивается к беседе, а скорее всего, еще и записывает на древний магнитофон с бобинами. – Надо встретиться.

Жук пожевал губы, полистал настольный календарь, – это явственно слышалось, – перешел на деловую скороговорку:

– Освобожусь к половине шестого. Погуляй пока по городу, а потом лови такси и скажи шоферу, чтоб вез тебя к Сурикату.

– К сурику? В зоопарк что ли?

– Нет-нет, по-фински – «Большая улица», так в народе называют один из центральных проспектов. До встречи!

И уже когда Лев собирался отключиться, из трубки донеслось: стой, стой!

– Из Москвы прислали ориентировку. На тебя. Раз в посольство скинули, следовательно и в Интерпол уже сообщили. В Брюсселе обычно не торопятся, пока их дежурный кофе попьет... Но через час будет во всех участках Европы, так что не попадайся на глаза полицейским.

Лев Мартынов 8-) идет в кино

4 апреля, 13:30

улица Алексантеринкату, Хельсинки

Закрытая запись

Раздражало все. Бесцветное небо. Сизые тучи. По-весеннему пронизывающий ветер, который всегда дул навстречу: нет, серьезно, куда бы не свернул – получай, прямо в лицо. Дружелюбные финны со своими приветливыми кивками и гортанным «Hei!»¹ Но больше всего Льва выводили из себя муми-тролли. Отовсюду торчали их большие носы! Сказочные герои смотрели из витрин магазинов, высовывались из окон домов. Раздвижные двери проезжавших мимо зелено-желтых трамваев украшали веселые мордочки. Даже хулиганы рисовали на стенах домов граффити про муми-смейку, правда, с довольно фривольными сюжетами.

Огромный комок зеленого меха выкатился из торгово-

---

¹ Привет! (финск.)

го центра – плюшевая фрекен Снорк совала в руки прохожих яркие стикеры, подмигивала и кривлялась. Засветить бы ей по печени... Но нет, девушка все-таки. Да и связываться с полицией нельзя. А что раздает? Буквы складывались в незнакомые комбинации, но картинка подсказала: второе пиво бесплатно. Где это? Мохнатая фрекен махнула рукой на вывеску – понятно, в кинотеатре через дорогу. Клевая идея. В темном зале никто не опознает беглеца от правосудия, а пара сеансов помогут скоротать время до вечера.

Фойе кинотеатра заполнено до самого потолка густой тишиной. Мертвый штиль. Мало кто сюда забредает в будний день. Лев глядел по сторонам: где же пинбол и видеоигры, где, скажите на милость, автоматы с попкорном или хотя бы картонная Анжелина Джоли? Нет даже афиш с взрывающимся вертолетом во всю стену. Два коротких диванчика в темно-синих тонах и занавес, скрывающий вход в кинозал. Такое впечатление, что зрители приходят сюда лишь чтобы посмотреть фильм: бегом пересекают открытое пространство и поскорее ныряют в полумрак.

Скучающая билетерша зевала без тени стеснения, но увидев человека в дорогом пиджаке, все же попыталась стиснуть зубы и прикрыться приветливой улыбкой. Борьба продолжалась долго и закончилась полным провалом: зевота снова одолела старушку, демонстрируя прогресс местной стоматологии.

– Похожая пасть хотела сожрать Майкла Дугласа в финале

«Челюстей», – пробормотал Лев, радуясь, что вокруг чужая страна и в ней не говорят по-русски.

– Что б вы понимали! Там играл Рой Шайдер, – с легким акцентом, но вполне сносно изложила мысль билетерша.

– Простите, я не...

– Захотите нахамить кому-то еще в Хельсинки, выбирайте людей помоложе. Наше поколение еще помнит советский язык.

И опять зевнула.

Лев постыдно сбежал в сторону бара. Тот притулился в маленькой нише, чуть левее кинозала. Тесное местечко. Всего три высокие табуретки и узкая стойка, покрытая россыпью неоттираемых пятен. Или правильнее сказать – разливом?

Он кивнул финке необъятных размеров, невесть каким чудом втиснувшейся в закуток за стойкой. Барменша долго всматривалась в его щетину, бормотала неодобрительно. Но пиво выдала, смахнув стикер и деньги под прилавок: две поллитры в удобной таре. Лев отхлебнул, не отходя от кассы и утопая носом в пене.

К окошку билетерши возвращался с осторожностью, чтобы не расплескать. Да и почву прощупать, может она уже все забыла... Нет, судя по поджатым губам. Старушка молча выдала билет, оторвала контрольную полоску и отвернулась. Обиделась. Подумаешь! Через пару часов он уйдет отсюда и забудет про этот эпизод.

Когда несешь в руках две пол литры, билет держать уже неудобно. Выскользнет из пальцев, придется наклоняться за ним, или в кинозале потребуют предъявить. Лев сунул картонку в рот и слегка прикусил. Ненадолго же, всего три шага шагнуть.

Возле занавески, прикрывающей вход, топтались подростки. Смотрели заискивающе, но не на руссо туристо, а на пиво в его руках.

– Olut², – заговорщицки прошептал толстый.

Второй, прыщавый и жердеобразный, указал пальцем на табличку, прикрученную к стене у поворота к бару. Местное бла-бла-бла. Судя по цифре 18 у мальчишек не было шансов купить напиток крепче кока-колы.

– Olut? – теперь оба шмыгали носами и протягивали горстки монет.

Лев понимающе хмыкнул и протянул стаканы горячим финским парням. Мелочь себе оставьте: зачем она нужна, в кармане звенеть. Взял в пивном закутке еще пару емкостей и отправился смотреть кино.

Детектив. Про ограбление спичечной фабрики в далекой северной глуши. На незнакомом языке, без переводчика и субтитров. Уже к пятой минуте Лев допил пиво, к одиннадцатой стал клевать носом, а в середине фильма похрапывал на весь зал. Абсолютно пустой.

Мальчишки куда-то исчезли.

---

² Пиво (финск.)

Правильно, для тех, кто нарушил закон – выход один: бежать!

Лев Мартынов:-(в замешательстве

4 апреля, 16:45

Центральный полицейский участок, Хельсинки

Закрытая запись

– Эх тебя угораздило, братиш! – Жуков вышел из машины, на ходу стреляя в небо тугим куполом зонта.

Черт, и тут муми-тролли! Они бесили с тех самых пор, как ушла Оля, любовь всей жизни. Два года назад, получается, да? Тогда депутат выиграл очередные выборы в далеком аграрном регионе. Лев вернулся домой из долгой командировки и обнаружил на холодильнике послание. Обычное такое, глуповато-женское: цветочек без солнышка вянет, мне не хватает внимания, я устала, я ухожу... Записку удерживал магнит с муми-троллем и его фрекен, сидящими на облачке. Хотел выбросить, но не стал. Прилепил обратно на холодильник, пусть мозолит глаза и напоминает, что не стоит заводить серьезных отношений. Девушек вокруг много, а сердце внутри одно. На всех не хватит. И вот попал в город, где веселые бегемотики буквально на каждом шагу. Даже на зонт к солидному чиновнику пробрались. Лев стоял на крыльце полицейского участка и с нескрываемым злорадством наблюдал, как по разноцветным рожицам быют круп-

ные капли дождя.

Хотя «солидный»...

Это он погорячился, конечно. Жук – мелкий бес, хитрый, вертлявый и скользкий, уже чуть за сорок, а все по-прежнему называют его Сашкой. Да и улыбочка у него мелкая, противная. Такому незнакомые люди велосипед на улице посторожить не доверят, а знакомые тем более. Но другого союзника не найти.

– Представляешь, сходил в кино! Угостил юнцов пивом, а им поплохело. Прямо в фойе. Билетерша с расспросами: от куда? Эти валенки мигом раскололись. А старая гримза полицию вызвала, прямо из зрительного зала меня забрали, – Лев говорил, сунув руки в карманы брюк, слегка покачиваясь, переступая с пятки на носок и обратно: вся его поза должна была излучать беспечность, но временами скрытая истерика проклевывалась и левый глаз взрывался нервным тиком. – Настигли, думаю, а сам молчу в тряпочку. Они же вопросы задают по-фински. Видят, нет контакта. Поволокли к машине, привезли в участок. Здесь уже пожилой служивый снизошел до русской речи: оказалось, меня обвиняют в продаже пива несовершеннолетним. Ерунда! А скажи, в Хельсинки и вправду только старики по-нашему говорят?

Дипломат зашикал на него и поскорее свел с крыльца. Отошли к служебному автомобилю, но садиться не стали.

– Тут почти все по-русски понимают, просто молодежь принципиально не разговаривает на языке Большого Сосе-

да, – ответил Сашка, растягивая слова. – А насчет пива ты зря так радуешься, братиш. Финны дико переживают за здоровье нации и спаивание молодежи – серьезное преступление. Если бы ты голый прыгал перед этими мальчишками, нацепив красный носок на свой urososan³, да склонял бы их к крепкой мужской любви... Толерантные европейцы сказали бы: каждый имеет право на свободу сексуального самовыражения. Но пиво – это диверсия. Удар по будущему. Сколько стрясли?

– Штраф 92 евро. И это потому, что я с мальцов денег не взял. А то бы за торговлю без лицензии добавили, – улыбнулся пивной диверсант.

– Везучий! – Жуков открыл дверцу машины, приглашая гостя на заднее сиденье и вдруг остановил, вцепившись ему в плечо. – Постой! А паспорт? Ты ведь не мог оплатить штраф без паспорта!

Лев улыбнулся еще шире.

– Соврал им, что забыл документы в гостинице. Вспомнил название, которое видел на рекламе во время прогулки. Китайночка или что-то похожее. Предложили проехать за паспортом, но я сделал грустное лицо и сказал: там жена ждет, злющая из-за того, что я от нее сбежал пиво пить. Пьяный приеду – убьет. Попросил завтра навестить, в любое удобное время, а я, дескать, дождусь пока супруга уснет и проберусь в номер тихонечко. Эти лопухи посмеялись и сказали: ок,

---

³ Причиндал (финск.)

завтра.

Сашка поменял вектор и стал активно заталкивать приятеля в салон.

– Балда ты! Дубина занозистая, – приговаривал он. – Смеялись они потому, что в этой ситуации и вправду много юмора. Катаянокка – это бывшая тюрьма, которую перестроили в современный отель. Выбрал ты удачно, видимо инстинктивно потянуло в застенок. А с финской полицией нельзя договориться, сплошь параноики. Никому не доверяют. Уверен, что уже названивают в гостиницу и проверяют у портье, в каком номере остановился мистер...

– Иванов, – подсказал Лев.

– А, ну конечно! Сам мистер Иванов! А ты знаешь, что у Ивановых обычно не бывает лишних денег на заграничную турпоездку. Эта фамилия встречается в заграничных паспортах гораздо реже, чем, к примеру, Бабаян, уж поверь канцелярской крысе. Молись, чтобы эти, – Жуков дернул головой в сторону крыльца и захлопнул дверь машины, – не поспешили тебя проверить.

Сам он сел на переднее сиденье, продолжая что-то бубнить, но в присутствии водителя тему развивать не стал. Хотя догадаться не трудно: полицейские узнают, что Иванов ненастоящий и захотят копнуть глубже. Найдут сообщение Интерпола с фотографией, опознают и сообщат куда следует. Начнется охота, будут гонять Льва по всему городу, как дикого зверя. Тогда идея пересидеть в тихом уголке накро-

ется цилиндром муми-папы.

Пару кварталов проехали в тревожном молчании. Потом Сашка спохватился, что радушный хозяин должен гостя кормить, поить, в баньке парить – иначе подозрительно выглядит ситуация. Он потер ладошки, нарочито громко хлопнув при этом и, подмигнув водителю, заговорил:

– А что, можем двинуть в ресторан элитный, в русском стиле. Медвежатину тушеную в бруснике подают. Пробовал? Нет? Давай туда. Правда, от обилия кокошников и балалаек в интерьере глаза взрываются. Но вкусненько. У них, слышь-ка, блюдо есть – на длинном шампуре жаривают куски свинины, баранины и говядины. Выносят к столу прямо на этом вертеле. Называется «Меч Ивана». Говорят, еще в брежневские времена, приезжал с официальным визитом товарищ Громыко. Повели его туда и ради высокого гостя перевели меню на русский язык. Позвали потомка белогвардейцев, а он пошутил: вместо «меч» написал матерное слово из трех букв. Приносят советскому министру блюдо. Он говорит: как называется? Подали меню, а там... Скандалить не стал, но резолюцию после визита написал короткую: «Они нам хер, и мы им то же!»

– Брехня! – коротко ответил Лев.

– Легенда, братиш! Дима не даст соврать, – при этих словах Жук подпихнул водителя локтем, – ее все знают.

Плечистый шофер поймал в зеркале заднего вида взгляд пассажира и кивнул, весомо так, со значением.

– Та шутка серьезно подпортила отношения между нашими странами.

А голос-то у крепыша командирский, со стальными нотками. Выработанный годами службы на благо Родины.

– Верю, верю! – поднял руки Лев. – Поехали.

Лев Мартынов УУУ пьет водку

4 апреля, 17:37

Ресторан «Иван Грозный», Хельсинки

Доступно: всем

Швейцары, одетые в длинные стрелецкие кафтаны и меховые шапки, преградили вход огромными секирами. Сувенирными, конечно, надпись «сделано в Китае» можно разглядеть на топориче. Нестройно заголосили: «Стой, кто идет! В острог захотели? Велено одних бояр пускать! Тю, это же бояре и есть! Простите великодушно, не признали!» и только проиграв до конца обязательную сценку, распахнули двери. Все это время гости мокли, стоя в глубокой луже, поэтому холодно проигнорировали протянутые руки стрельцов. Чаевые им еще...

Тяжелые створки, расписанные под хохлому, захлопнулись у них за спиной чересчур громко.

– Наверняка в провинциальных ТЮЗах играли солдат, гномов, говорящие деревья и прочую массовку, – злобно оглянулся Жуков. – Сбежали за бугор, а получают все те же

роли. И чего дома не сиделось?!

Лев задумчиво смотрел по сторонам. Так вот, чем объясняется аскетизм кинотеатра: очевидно, все яркое и блестящее свезли сюда и впахнули в один интерьер. На стенах в превеликом множестве развешаны колокольцы, подковы, гусарские сабли без ножен, праздничные кокошники и будничные коромысла, балалайки обычные и балалайки, изукрашенные видами Кремля, лубочные картинки с петрушками и скоморохами. Будто бы этого мало, еще и полки с матрешками разных размеров, глиняными свистульками, подсвечниками, потемневшими от времени иконами и немеркнувшими лаковыми шкатулками. На почетном месте – справа, у гардеробной, – хрустальные графины в виде Большой императорской короны и шапки Мономаха. Старичок с козлиной бородкой, ряженный Иваном Грозным, наливал всем входящим из этих графинов в маленькие серебряные стопки.

– В углу чучело медведя раньше стояло, – Жуков смахнул слезу, набжевавшую после водки. – Я его шерстью занюхивать любил, милое дело. Но потом вмешались экологи, заставили убрать. Оскорбление памяти убитого зверя, прикинь?!

Депутат Кнутов-Пряницкий много лет возглавлял в Госдуме комитет по экологии. Поэтому люто ненавидел «зеленых»: вечно они путаются под ногами, устраивают пикеты и акции протеста. Защищают леса, реки и горы, которые можно выгодно продать крупным корпорациям. Нелегально, разумеется. Лев убеждал шефа чаще появляться на публи-

ке с активистами эко-патрулей, носить футболки «Гринпис» и высаживать деревья хотя бы раз в год. Тот соглашался, но как-то сквозь зубы. А теперь он сам, подобно чучелу медведя, пылится в пыльном чулане...

Да и хрен с ним! О себе беспокоиться надо.

– Жук, давай сменим место.

Дипломатический работник, взявший разгон мягкой финской водочкой, не хотел останавливаться. Наоборот, стремился поскорее повторить и наброситься на горячие закуски.

– То есть без медведя тебе квасить партбилет не позволит? – попытался отшутиться Сашка.

– Я серьезно! Этот твой Дима, шофер... Он ведь в посольство поехал. А если увидит мое фото? Здесь-то нас и возьмут, тепленькими. Охота тебе рисковать?

Жуков вздохнул, рассматривая свое отражение в графинах. Фальстарт. Обидно, конечно. Но, с другой стороны, подставляться ни к чему.

– Выйдем через кухню, на боковую улочку. Зачем нам на проспекте светиться? В конце концов, водки можно и в «Башне» выпить.

Бар «Поднебесье». Закрытая группа

4 апреля, 19:02

Отель «Башня», Хельсинки

Участники: Лев Мартынов, Александр Жуков

Вид с последнего этажа открывался чудесный: Хельсинки в вечерних сумерках – будто черный шарф, изъеденный молью. Свет пробивался отовсюду, в самых хаотичных сочетаниях. Парк Эспланад перемигивался с набережной разноцветными фонариками, но некоторые кварталы оставались незыблемо-темными.

Лев на все это великолепие не смотрел по понятной причине. Сел спиной к прозрачной стене, но чтобы прикрыть свой страх высоты, выбрал презрительную тональность:

– Разве же это башня. Метров семьдесят пять? Меньше? По сравнению с башней Федерации – карлик.

– Ну да, поставь рядом с Останкинской, и вовсе муравьишка, – расслабленно отозвался Жуков.

Он успел выпить три рюмки, без всяких тостов и разговоров. Теплая волна прокатилась по всему телу, плеснула в голову и панорама огоньков начала понемногу расплываться.

Лев тоже собрался напиться. Смыть липкое чувство тревоги, заглушить древний инстинкт. А то повадились в два голоса дребезжать, что дальше будет только хуже. Пора, пора уже отключать голову. Но сперва надо позаботиться о ночлеге: золотое правило, всем рекомендую.

– Жук, где ты меня спрячешь? – спросил он шепотом.

– Не надо волноваться, братиш! Дядя Саша уже все решил, – дипломат ткнул пальцем в созвездие огней на окраине, – Поживешь в одной из наших консервов.

Лев представил себя, втиснутым в жестяную банку из-под

шпрот.

– Э-э-э... Консервы?

Жуков хохотнул и привычно-навязчивым жестом стал тереть ладошки.

– Секретные квартиры, купленные на чужое имя. Подыскал для тебя домик, который рыбак из северной общины подарил своей дальней родственнице из Тампере, чтобы та через три года смогла переехать в столицу и поступить в академию народной музыки. А пока за ним присматривает неприметная домохозяйка: протирает пыль, набивает холодильник под завязку. Она оставляет ключ в условленном месте.

– Под ковриком, что ли?

– Типа того. Если приходит и видит, что ключика нет – тихонько удаляется, не задавая лишних вопросов.

– А ну-как рыбак нагрянет? Или его племянница внезапно приедет в Хельсинки? Разоблачат ведь.

Сашка отогнал официанта жестом и сам разлил водку по граненым стопочкам.

– Ты не понял, братиш. Эти люди существуют исключительно на бумаге. Ты же не боишься, что Муми-тролль в гости наведается? И за фермера не переживай. Консервы создаются для самых законспирированных разведчиков, которые отсюда разъезжаются по Европе. Сюда же они спешат, когда нужно срочно спрятаться, пересидеть.

– Удобная схема!

Жуков воспринял эти слова как тост. Закусили колбаска-

ми из перловой крупы, утопающими в зверски переперченной сметане.

– Смешно. Я перловку в институте ненавидел, но денег не было, а мать прислала целый мешок, – Лев облизал палец и поморщился. – Сварил раз, два... Все, не могу. Тогда сосед по общежитию предложил готовить уху в складчину: он приносил две банки кильки в томате, с меня перловка, еще двоих брали в долю за картошку, морковку и лук. Получалось как в сказке, про кашу из топора, но знаешь, Жук, ничего вкуснее с тех пор я не ел.

– Попробуй уху на молоке. Главное блюдо местной кухни, на минуточку.

– Рыба и молоко? Брр...

– Может и сливки. Хрен знает, – пожал плечами дипломат. – Сам умею готовить только бутерброды и вареные яйца, поэтому рецептами не интересуюсь.

Официант поставил перед ними две большие бело-синие миски и тарелку с сухариками из черного хлеба. Поначалу Лев робел, глядя на дымящееся молочное озеро с кусочками форели. Но финны варят эту уху со времен Калевалы, должны наловчиться за сотни лет.

– А наш посол любит икру минтая с медом, – Сашка дул на ложку, потом громко прихлебывал. – Дикое сочетание, не спорю. Я раз попробовал: ужас. Но этот жрет, лицо никаких эмоций не выражает. Для дипломатического работника полезное умение. Может он так «покер фэйс» тренирует? Я то-

же стараюсь не выказывать эмоций, но получается далеко не всегда, – вздохнул Жуков. – Ты ешь скорее, остынет.

Вкусная ушица! Наваристая. А еще, судя по всему, жутко калорийная. С таким режимом питания, да еще и сидя на одном месте, за пару месяцев можно набрать кучу лишних килограммов.

– Жук, сможешь купить беговую дорожку или пару тренажеров? Я деньги верну, с карточки сниму и верну.

Приятель захохотал, давясь супом и отплеываясь. Глумливый смех, издевательский. Предвестник поганых новостей, не иначе.

– Де-де-деньги, говоришь? С кар-р-рточки! Как ты, такой наивняшка, на Охотном ряду-то выжил? Беглый коррупционер в международном розыске. Твои счета еще утром арестовали. Золотые карточки, привилегированные... Забудь! Что по сусекам наскребешь – весь твой капитал.

Крошки сухарей вылетали из смеющегося рта, липли к стеклянной столешнице, а сквозь нее Лев разглядел, что Жук еще и ногами сучит от восторга. Канцелярист не злорадовался, но упивался своей значимостью, ведь судьба беглеца теперь полностью в его руках. И не поспоришь. На двадцать... Тридцать... А, вот еще: тридцать восемь евро и, – сколько тут? – сто долларов... Долго не протянуть. Без поддержки «дяди Саши».

– Не переживай, братиш, поживешь за мой счет, – рассуждал благодетель. – Через два-три месяца Кнутов-Пряницкий

разберется с делами, все уляжется. Тогда и отблагодаришь. Накатим еще по одной?

Илта Хейккиля

изменила свой статус на «в браке»

4 апреля, 20:45

«Девочки!

Я думала, что это просто шутка, но Перелётный жених действительно существует. Он отправился в путешествие по свету ради любимой, и я его встретила. О, Боже мой!

Я рада, что мужчины еще способны на подвиги ради любви. А вдвойне чудесно, что мы с Торбеном можем поддержать этого достойного человека. И вы тоже поддержите, если встретите.

Он настоящий герой!»

Бар «Поднебесье». Закрытая группа

4 апреля, 21:18

Отель «Башня», Хельсинки

Присоединились: Илта Хейккиля и Торбен Клеменсен

Пьянеть Лев перестал три рюмки назад и не принимал участия в беседе. Накатило безразличие, да и усталость сказывалась. Жука это не смущало, он завел длинный рассказ про поездку в Лапландию с монгольским послом, который

возжелал купить северных оленей.

– Вот ты смеешься? – вскинулся Сашка, косясь на приятеля с подозрением. – Нет? Ла-адно. А у монголов, оказывается, тоже есть тайга и кочевые оленеводы. Но стада вымирают, нужна свежая кровь. Самца-производителя хитрые финны продавать отказались. Представляешь, и в Голливуд для фильмов про Санта-Клауса только самок отдают. Посол три недели переговоры вел, но те уперлись рогами: нет и все.

– Олени?

– Бараны упрямые! Уехал бы монгол с пустыми руками. Но явился спаситель, умеющий договариваться. Я в лихие 90-е с быками и носорогами общий язык находил, и с баранами справился.

– Дали денег, – почему-то не удивился Лев.

– Точно, братиш. Коррупция, как ни крути двигатель прогресса. Начнешь все по закону делать, вообще ничего сделать не получится. Выдали послу ведерко спермы северного оленя. Ты бы видел, с каким восторгом солидный дядька прижимал его к груди. А у самой машины поскользнулся... Х-х-х-ха! Не поверишь... Весь!.. С ног... До головы...

Задыхаясь и хрипя от истерического смеха, дипломат откинулся на спинку стула и чуть не упал еще дальше, затылком об пол. Вовремя подхватили сильные руки: от соседнего столика подошел высоченный мужчина в синем мундире – летчик, судя по золотым крылышкам в петлице. Великана сопровождала взволнованная пышечка в белом платье. Не

красавица. Легкое облачко фаты, подчеркивало грубые черты и общую нескладность ее лица. Прическа же заставила вспомнить опрокинутую кастрюлю спагетти, судя по цвету – недоваренных. Впрочем, и сам пилот похож на носатую и мелкоглазую рыбину. Усики тоже рыбы, серые и жиденькие, словно у осетра. Вполне гармоничная парочка.

Невеста пару минут что-то сбивчиво объясняла, размахивая смартфоном. Жук перевел с финского. Коротко. Словно отправлял телеграмму, и не собирался платить за лишние слова:

– Это Илта, а это ее муж Торбен. Они прочли твой пост в соцсетях и предлагают помощь.

– Какую помощь? – после крепких напитков Лев соображал туго.

– *Millaista apua?*⁴ – переспросил Сашка.

Дальше все запуталось, хотя Илта для удобства слушателей перешла на вполне сносный английский. Просто, когда девушка, выпив шампанского, начинает говорить на романтические темы, понять ее могут лишь другие девушки, также пьющие шампанское. Или клубничный дайкири. Но тут уже возможны разночтения. Лев старался, правда, очень старался, однако безнадежно отстал на первом же повороте мысли.

Почему-то Илта считала важным, что сама она финка, а ее муж – датчанин. Но еще важнее, – трижды подчеркнула этот факт, каждый раз вскидывая указательный палец правой ру-

---

⁴ Какую помощь? (финск.)

ки, – что познакомились они на круизном пароходе, когда проводили отпуск в теплых морях. Понимаете? Любовь настигла молодых в одну из тех душных субтропических ночей, когда даже звезды блестят исключительно потому, что их покрывает липкий и сладкий пот. Поэтому, когда дело дошло до свадьбы, жених с невестой решили принести клятвы верности в двух родных городах – Хельсинки и Копенгагене, у памятников морским нимфам. Сегодня в полдень они уже отметились у фонтана Хавис Аманда, где бронзовая дева стыдливо отворачивалась в сторону, слушая обещание Илты родить не меньше трех сыновей счастливому Торбену. А завтра в полдень падут на колени перед Русалочкой, но уже в королевстве Датском. Тогда союз двух сердец, хранимый морем, будет крепче, чем все браки заключенные на небесах.

Лев не выдержал и зарычал.

– Стойте! А я-то тут при чем?!

Илта осеклась на полуслове, всплеснула руками и закатила глаза. Потом вспомнила в каком стрессе пребывает собеседник – сама же недавно перепостила его крик души! – улыбнулась и начала повторять все сначала. Но вмешался летчик.

– Полетели с нами в Копенгаген!

При этом Торбен выглядел смущенным и не знал, куда девать свои огромные руки: то складывал их за спиной, то прятал в карманы. Ему было неловко перебивать жену.

– А давайте выпьем за знакомство, – неожиданно-трезвым

голосом предложил Жуков, – и все обсудим.

Илта Хейккиля и еще 42 пользователя поделились публикацией Льва Мартынова.

Вот как вышло, что они заказали еще водки и шампанского. Один лишь Торбен потребовал кофе, да покрепче. Чашку немедленно и наполните этот походный термос.

– Мне же всю ночь за штурвалом!

Лев колебался: лететь или не лететь. Вот в чем вопрос. Просидеть три месяца в Финляндии, на конспиративной квартире – удовольствие не ахти. Да и засветился он по глупости, полиция точно искать начнет, все камни переворачивать – не заполз ли куда, проклятый «мистер Иванов». В каждую щель заглянут, в каждую трещинку. Закроют вокзалы и аэропорты, может быть уже... Так смысл упускать последний шанс?! Но главное, не хотелось увязнуть в долгах и попасть в зависимость к Сашке. Потому что долг платежом красен. И однажды кредитор попросит помочь в каком-нибудь гадком дельце, отчего Лев увязнет в трясине еще глубже. У, Жучара! А тот подмигивал и толкал ногой под столом, забывая что поверхность стеклянная, постоянно твердил по-русски:

– Христиания, братиш! Христиания!

– Заело пластинку, – огрызнулся Лев. – Давай еще вспомни: Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо...

Сашка послушно нахмурился, вспоминая карту мира. Потом плюнул в сердцах.

– Ты, правда, не понимаешь? Христиания – отдельное

государство, властям Дании не подчиняется уже лет сорок. Спрячешься гораздо надежнее, чем в Хельсинки. Ведь если Родина прикажет, сам понимаешь, за тебя возьмутся всерьез и консервы не спасут. А Христиания – свободный город, че!

– Свободный, говоришь? Но ведь Дания – тюрьма.

– Для тебя вся планета – следственный изолятор, – не слишком дипломатично отрезал дипломат.

Теперь, всесторонне обдумав положение дел, он стремился поскорее избавиться от залетного гостя. Иначе арестуют Льва, потянут за ниточку и весь клубок разматают. А Жукову с тех лесных денег тоже капнуло на счет в банке. Крохи, конечно, но...

– Ты лети, братиш, а я пока спишусь с одним тамошним умельцем... Поможет тебе добраться до нужного места. Сташек приятный парень, хотя и поляк. Надо узнать у наших добрых самаритян, во сколько приземлится в Копенгагене их самолет.

Последние слова Сашка сказал по-английски, чтобы два раза не повторять.

– Нет, что вы! Торбен не умеет рулить самолетом, – с нордическим спокойствием ответила Илта. – Мой муж рулит...
Pmalaiiva!⁵

Ей страшно нравилось подчеркивать статус замужней женщины. Кроме того, она не знала, как сказать по-английски...

---

⁵ Дирижабль (финск.)

– Ого! – Жук вытаращил глаза. – Ты полетишь на дирижабле!

У вас никогда не возникало ощущения, что все вокруг – кино?! Этот нереально долгий день словно выписан сценаристами, обожающими штампы. Тревожный телефонный звонок. Арест шефа. Выдуманная невеста. Беги, Лева, беги! Реальная жизнь редко бывает такой... Концентрированной, что ли. А сейчас он почувствовал себя героем мультфильма: мало того, что в нужный момент появились бескорыстные люди, готовые подвезти его в Данию, и у них, – нет, вы подумайте! – есть дирижабль. ДИРИ, мать его, чертов ЖАБЛЬ!!! Откуда в двадцать первом веке взялось чудо из далекого прошлого?

А бескорыстные люди как раз это и объясняли. Торбен на паях с приятелем купил немецкий дирижабль – не антикварный, заштопанный в тридцати местах, а новенький, ручной сборки, да-да, их еще строят! Уже два года он устраивает воздушные прогулки, катает туристов и местных богатеев над Копенгагеном. Полностью разделяя романтический настрой своей половинки (ja, ja, min lille havfrue⁶ – тут они, конечно же, поцеловались), датчанин выбил официальное разрешение на свадебный перелет для двоих над Балтийским морем. Конечно, взять еще одного пассажира означает нарушить закон, но чего не сделаешь ради большого и светлого чувства.

---

⁶ Да, да, моя маленькая русалка (датск.)

Торбену Клеменсену и еще 279 пользователям нравится публикация Льва Мартынова.

– Отец вашей невесты имеет полные карманы денег, но у него пусто здесь, – Лев ожидал, что летчик постучит по голове, но тот приложил руку к сердцу. – Нельзя запрещать дочери быть счастливой! Для меня большая честь помочь обрести любовь вам с... Как ее зовут?

Вопрос не вызвал бы заминки в трезвом мозгу – все просто: назови любое имя, никто не проверит. Но пьяный мозг всегда немножко на изнанку вывернут, или даже множко. По закону подлости в тот же миг все имена стерлись из памяти. А ведь звали же как-то маму, первую любовь, космонавта Терешкову...

У-у-у, да ты поплыл, братиш. Сломался. Если невинное любопытство и дружелюбный тон из колеи выбивают, то что же будет на допросе?! А ты туда непременно попадешь, если новые скандинавские друзья раскроют твое вранье. Хватит щипать себя за ухо. Соберись!

Лев в панике уставился на приятеля, – чего молчишь, Жук, давай выручай. И тут же сообразил. Ухватился за соломинку.

– А-а-александра!

– Ой, милота: Лев и Алиек... сандра, – протянула Илта почти без запинки. – Хотя у финнов есть примета, что для гармонии в семье имя мужа должно быть длиннее, чем имя жены.

Она погрустнела на секунду, но в день свадьбы настроение всех невест постоянно стремится вверх, подобно пузырькам в шампанском.

– Но вы же не финны! На вас примета не действует, – просяла Илта. – А сколько лет Алиек... сандре?

Снова паника. Лев вцепился в мочку уха, но проверенное годами средство не помогало. Зато очнулся Жуков, которому «намеки» приятеля оттоптали обе ноги.

– Лучше скажите, не опасно ли на вашем дирижабле через море лететь? – перевел он тему. – Это ж часов двенадцать...

– Вообще-то десять. А дирижабли не опасные. Раньше опасные, теперь нет...

Торбен не только говорил, но и показывал: взял из хлебной корзинки белую булочку и «полетел» над столом.

– Сто лет назад баллон заполняли водородом и иногда... Часто... Происходил взрыв.

Он разорвал булочку на три части и стал есть, окуная в кофе.

– Теперь в баллоне гелий, – продолжил летчик с набитым ртом, – он не взрывается.

– А если мотор заглохнет, мы рухнем в море? – придется лететь в любом случае, Лев уже смирился, но инстинкт самосохранения снова высунул свою древнюю чешуйчатую мордочку из черепашьего панциря.

– Не-не-не, – датчанин уверенным щелчком загнал страхи обратно, в поздний палеозой. – Ты, Лев, можешь нарушить

законы своего государства... Зачем побледнел? Я же так, к слову... Прости мою бестактность! Кто угодно может нарушить законы своего или чужого государства, но законы физики незыблемы. Дирижабль – это летательный аппарат, который легче воздуха. Моторы заглохнут, он полетит на баллоне.

Торбен посмотрел на часы и одним глотком допил кофе.

– Пора отправляться, иначе не впишемся в полетный график! А радары, истребители, ПВО – все точность ценят, за опоздание могут наказать и сбить. Счет, пожалуйста!

Официанта перехватил Жуков, гордо размахивающий бумажником: Россия – щедрая душа.

– А где же... – новоиспеченный пассажир дирижабля тоже забыл, как эта штука называется на иностранных языках (Плант, Пэйдж, лестница в небо... Но не вспомнить, хоть порвись на британский флаг), поэтому обрисовал руками продолговато-выпуклый силуэт.

– Прямо над нами, – Лев решил, что теперь он точно угадает, куда укажет летчик. По логике: на потолок. Но Торбен махнул рукой влево, где за резным шкафом притаился выход на крышу.

Отель строили в 1930 году, поэтому на самый верх «Башни» архитекторы воткнули высокий шпиль, а точнее – причал для модных в ту эпоху дирижаблей. Лев увидел его, несмотря на дождь ливший уже сплошной стеной. Крыша была относительно сухой, потому что пол неба закрывала

огромная сука.

И не смейте шикать. На серебряном боку махины реально были написаны громадные буквы «SUKA». Дирижабль качнулся от налетевшего ветра, стала видна вся надпись, целиком: «SUK AF SOLEN».

– Моя малышка! «Солнечный вздох». Правда, это прекрасно? – в голосе Торбена слышались нотки чисто родительского хвастовства.

Ничего себе «малышка»... Воздушная сфера, на быстрый взгляд, метров тридцати в длину, вздрагивала на длинном тросе. Под ней, поминутно касаясь крыши, висела стальная кабина, ненамного уступавшая в размерах автобусу. По полтора метра отъедали кабинка пилота (впереди) и туалет (соответственно, в хвосте). Между ними разместились обзорная зона с прозрачными панорамными стенами и двумя диванами. На столиках, прикрученных по бокам от посадочных мест, ждали шампанское и всякие закуски, заботливо расфасованные по маленьким пакетикам и пластиковым боксам. Каюта, полная уюта.

Илта присела на дальний от входа диван и сбросила туфли с непривычно-высокими каблуками. Дотянулась до бутылки с шампанским, похлопала рядом с собой хозяйским жестом.

– Присаживайтесь, дорогой друг. Вы не представляете эту скукоптицу: Торбен рулит у себя в уголочке, а мне и поговорить не с кем. Всю дорогу до Хельсинки я умирала от тоски. Но теперь появились вы и хочется послушать про вашу

невесту Алиек... сандру!

Лев что-то пробормотал, но ответ заглушили взрыкнувшие моторы. Дирижабль отлепился от шпиля и теперь поднимался вертикально вверх. Увидев возможность улизнуть, чтобы собраться с мыслями и продумать легенду, Лев отступил на заранее намеченные позиции – сбежал и заперся в туалете.

Лев Мартынов:-(болеет

5 апреля, 0:15

Где-то над Балтийским морем

Доступно: друзья поблизости

Сначала он притворялся. Вполне успешно имитировал звуки, так подробно описанные в песнях панк-групп, но в приличном обществе категорически неприемлемые. Минут через двадцать Льва затошнило по-настоящему: то ли вжился в образ, а скорее всего молочная уха тому причиной. Да еще легкая качка дирижабля вызывала морскую болезнь, хотя в данном случае, скорее воздушную. Право слово, ну не водку же во всем винить...

В паузах Лев, совсем обессиленный, прислонялся лбом к холодному стеклу иллюминатора. Окошек было два – машина экскурсионная, а туристы и в уединении готовы любоваться красотами пейзажа. Посмотрите налево, повернитесь направо. С обеих сторон виднелись редкие звезды, подмиги-

вающие сквозь дыры в черных-пречерных тучах. Понятно, воздушный корабль летит ниже облачного слоя. Значат до земли, точнее до поверхности моря, не больше пятисот метров. А скорее около трех сотен. При мысли о высоте снова замутило. Ох-ох-ох...

Время от времени к тонкой перегородке подходила Илта, тактично постукивала пальцем и спрашивала: все ли в порядке? Да, врал Лев по-русски. Все зашибись. Разве не заметно? Выходить он не торопился. Ждал, когда эта любопытная женщина утомится и заснет. Но вскоре и сам провалился в тревожное забытие, сменившееся вскоре безмятежным посапыванием.

Лев Мартынов:-(мечтает о кофе

5 апреля, 5:47

Где-то над Балтийским морем

Закрытая запись

Лев попытался разогнуть скрюченные ноги, и это аукнулось сотнями покалываний и похрустываний по всему телу. А вот неестественно запрокинутая голова, вопреки ожиданиям, легко покрутилась влево-вправо. Продолжаем проверку всех систем: нос дышит, глаза различают свет лампы сквозь ресницы. Губы, правда, пересохли, и язык...

Хотя это, как раз, нормально.

Это похмелье.

Выпить бы чего-нибудь бодрящего.

Иллюминатор всем своим видом напоминал чашку идеального кофе: крепкого, уваренного до лакричного цвета, чтобы от одного взгляда сердце начинало биться чаще. Пойдите-ка! Кто-то начал лить молоко. Тонкой струйкой. Сначала возник белый завиток в самом центре, но набежавшая тьма тут же его слизнула. Молоко все прибывает, у самого края появляется кремовая полоска, она уже расплывается вширь и задерживается подольше, а из глубин ночи всплывает новая молочная волна. Выхлестывается за строгий контур окошка, и в этот момент понимаешь: там, снаружи, белизна заливает мир, больше не чувствуется ни терпкого аромата, ни кофейного привкуса ночи.

Кофе...

У Торбена целый термос кофе!

Ухватившись за путеводную ниточку, Лев открыл дверь и выглянул из своего тесного убежища. Тишина и покой. Илта спит на диване, свернувшись калачиком. Ее муж сидит в закутке пилота, поникшие плечи видны через прозрачную перегородку.

– Привет.

Датчанин поднял голову, улыбнулся.

– Лев, дружище! Рад тебя видеть!

– Дай-ка мне, мил человек, чуток кофе, – удалось выместить несколько английских слов из закоулков гудящего мозга, – пожалуйста.

– Кофе? – Торбен продолжал дружелюбно сиять. – Нет больше кофе.

– Ты все выпил?!

– Половину. А потом – безвыходное положение, – летчик смущенно замялся и стал подбирать слова. – Пойми меня правильно... Туалет занят... И нет ничего под рукой... Кроме термоса...

Вот и полечили головушку, ага.

Ладно, дело житейское.

– Проблема в том, что без того кофе, который пришлось испортить, я до Копенгагена не дотяну, – подытожил пилот. – Надо поспать хотя бы пару часов.

– А кто же будет рулить?

– Ты! – Торбен встал и похлопал приятеля по плечу, подталкивая к своему креслу.

Нет, это уже даже не мультфильм, а театр абсурда. Тело охватила привычная паническая заторможенность. Лев послушно протиснулся в рубку и положил руки на штурвал. Попробовал крутануть влево, чтоб проверить как все работает. Дирижабль не отреагировал.

– Тут все на автомате, бояться нечего, – успокоил Торбен. – Пока летим по прямой, а когда понадобятся маневры, я проснусь. Твоя задача: запомнить кнопку.

Палец уперся в кружок красно-синего пластика. Лев прищелкнул и понял, что это крышка от пепси-колы.

– Впереди несколько крупных островов, там возможен

контакт с птицами. Увидишь, что навстречу летят чайки или иные пернатые – жми. Снаружи, из встроенных в корпус динамиков, раздастся громкий крик ястреба, или сирена... Там около дюжины разных звуков. Птицы шарахнутся в стороны, и твоя задача выполнена.

Лев представил, как лобовое стекло разлетается вдребезги, осколки режут лицо. Хочется кричать от боли, но как тут закричишь, когда огромный клюв пронзает твою грудь насквозь. А воздух со свистом вырывается из кабины, стенки покрываются инеем, и новобрачные в кают-компании превращаются в ледяные статуи.

– А-а-а-а... Если чайка того... Пойдет на таран?!

– Типа, если глухая попадется? – ухмыльнулся Торбен, но, оценив бледность собеседника, вернулся к деловому тону. – Воздушную камеру проклевать не смогут, у нее три слоя защиты. Стекло пуленепробиваемое, прямое попадание альбатроса выдержит. Но дворников нет, отмывать пух и перья нечем. Сам понимаешь, лететь с кровавыми ошметками перед глазами удовольствие ниже среднего. Поэтому жми на кнопку почаще!

Еще раз хлопнул по плечу и ушел, позевывая. Через минуту из салона раздался оглушительный храп. Такой, знаете, похожий на пулеметную очередь: тра-та-та-та-та, потом хр-рык, оружие перезаряжается и снова – тра-та-та. Да, конечно, знаете. «Пулеметчики», по закону подлости, обязательно занимают соседнее купе в поезде или заселяются в гостини-

цу с картонными стенками, чтобы разбудить среди ночи как можно больше людей. Зачем сирену включать? Редкая птица не испугается великанского рокота, летящего над Балтикой. Илта, скорее всего, проснулась и успела сто раз пожалеть, что вышла замуж за эту храпящую тушу. Нет, поглядите на нее, сладко спит, не вздрагивает. Наверное, жены получают какой-то особый иммунитет. Любовь зла, но все-таки в меру.

Ах, да! К пробуждению любопытной финки обязательно нужно состряпать легенду о невесте. Иначе вопросами замучает.

Жаль, кофе нет...

Лев Мартынов:-(в раздумьях

5 апреля, 6:38

Остров Готланд, Швеция

Доступно: друзья поблизости

Остров он заметил не сразу. Смотрел вперед и вверх, наблюдая, как молочная белизна утра сменяется голубой рябью. Вниз не отваживался, лишь изредка бросал быстрый взгляд на темно-синее море, чтобы убедиться в его неспешной бескрайности. Неожиданно по левому борту вынырнул каменистый хребет серо-буро-зеленого чудовища. Зеленень пробивается среди серых камней, а бурый цвет добавляют водоросли, раскиданные вдоль берега. Острые локти скал торчат во все стороны, шея и хвост теряются вдали. И

повсюду блестят странные чешуйки.

Лев присмотрелся, хотя для этого пришлось снова превозмогать извечный страх, потер глаза и снова прильнул к стеклу. По гребням холмов спускались цепочки серебристых ветряков, размахивая тройными лопастями. В долине они расходились на несколько рядов, соблюдая четкую дистанцию, словно идеально вышколенные солдаты на параде, и, наконец, ломали строй в прибрежных водах, уходя в море нетвердыми шагами – кто во что горазд.

Ветровая электростанция. По долгу службы Лев однажды изучал проект, который предлагали лоббировать его шефу. Но тот забраковал идею: денег на «ветряки» просили маловато, распилить не удастся. Бросили в долгий ящик, а может и в мусорную корзину. Но те фото и на сотую долю не передавали вдохновляющего величия стальных гигантов. Лопасты двигались в едином ритме, захватывая воздушные потоки, прогибая их до самой земли, свивая невидимые глазу силу и мощь в так до конца и не постижимое чудо – электричество.

Из-за горизонта выглянуло солнце, красноватые лучи превратили окружающий пейзаж в фантастическую марсианскую пустошь. Зрелище завораживало настолько, что позабылись и боязнь высоты, и проблемы с законом, даже похмелье разом улетучилось. Какие же они высокие, эти башни с пропеллерами! Метров сто, а то и больше. Увидев подобную картину, Дон Кихот окончательно бы сбрендил. Бороться с

гигантской ветряной мельницей – безумие, примерно как...

Как пытаться победить коррупцию.

Нет, поймите правильно: закон штука нужная. И всякие нормативы, регламенты, прочие ГОСТы. Все это знают – граждане, партии, правительства. Соглашаются соблюдать, вплоть до мельчайшей буквы. Но когда доходит до дела, буквы закона часто отступают перед цифрами.

Ведь если разобраться, от коррупции выигрывают все. Она делает тернистые пути легкими и комфортными. Веками наши предки передавали по цепочке, от седых старцев к неопытным соплякам, великую мудрость: быстрее и надежнее, когда по блату. Или за магарыч. Выпил пива, сел за руль, проскочил на красный. Свисток, жезл, в трубочку дышите. Командир, договоримся... Что испытываешь в эту минуту? Ненависть к взяточникам всего мира? Фигушки. Неподдельное счастье, что гаишник попался не принципиальный, а готовый взять денежку и закрыть глаза на вопиющие нарушения.

Что вы говорите? Ах, власть обнаглела и гребет, не зная меры... А кто эта власть? Инопланетяне что ли? Такие же люди, как все. В детстве играли в дворовый футбол до десяти забитых, знали, что дважды два – четыре, и остальными цифрами не интересовались. Это потом уже повезло, попали в нужное кресло. И ведь сначала-то брали по-божески, максимум по три рубля, но дальше проснулись аппетиты, появились подельники, с которыми надо делиться, и начальники,

требующие отката. Власть – это, знаете ли, тоже социальная сеть. Связывает по рукам и ногам! Попробуй не отдать свой лайк нужным людям... Моментально в черный список попадешь, пожалуются модератору и забанят тебя по всей строгости закона. Тот же депутат Кнутов-Пряницкий в первую предвыборную кампанию миллионные взятки раздавал, потом два года в ноль выходил. А следующие два года копил на переизбрание. Только на втором сроке зарабатывать начал и – хлоп! Страницка этого пользователя заблокирована на неопределенный срок.

Лев вздохнул и поежился. Легко прятаться за демагогией, а чего же сам не боролся? Не разорвал эту самую сеть? Прodelай в ней большую дыру, может что и изменилось бы на государственном уровне. Придут честные чиновники, наладят работу без откатов и распилов... Смеетесь, граждане? Попробуйте устроиться на крохотную должность в любом министерстве, в мэрии или префектуре: вас и с самым шикарным резюме не возьмут. Потому что у служебного входа уже стучится кандидат с чемоданом, набитым купюрами, готовый купить это место. За миллион. Но зачем кому-то платить кучу денег, а потом получать официальную зарплату в 30 тысяч рублей? Правильно. Чтобы пользоваться служебным положением и напилить себе куда больше. То есть кандидат этот изначально скользкая гнида – самое то, что нужно для власти. Начиная карьеру с взятки, он станет крепким узелком в коррупционной сети. Такой быстро усвоит тайный

язык намеков и подмигиваний.

Вы же не думаете всерьез, что взяточники прямым текстом говорят? Лев вспомнил, как шеф и два его приятеля собрались шашлычка поесть. Разговор вроде бы ни о чем. Жизнь идет. Внуки растут. В песочнице играют. Картинки рисуют.

«Моя чаще всего лес рисует. Елки, березы, – непринужденно поделился Кнутов-Пряницкий. – Самую красивую картинку подарила на день рождения. Я ее в кабинете повесил. Заходите на днях, покажу».

«А я считаю, талант надо развивать, – с энтузиазмом подхватил помощник северного губернатора, похожий на бочку, из которой торчит лысоватый кочан квашенной капусты. – Отдал бы ты ее учиться живописи, что ли».

«Я и отдал! – кивнул депутат. – Ходит в художественную школу три раза в неделю. А обучение, представьте себе, платное».

«А чему удивляться? Бесплатный сыр, сами знаете где, – расплылся в улыбке высокий бизнесмен с носом, скрученным на бок словно штопор. – И дорого выходит?»

«Семь», – для наглядности Альберт Валентинович показал еще и на пальцах.

«Дороговато, – скуксился Штопор. – Я бы свою туда отдал, у меня тоже внучка подрастает. Но семь...»

«Это за полтора часа учебных часов в год, – уточнил Бочка. – Не дорого!»

«Мне говорили про школу в соседнем районе, – упорствовал Штопор. – Все то же самое, но за пять».

«Но ты учти, там еще на подарки учителям приходится скидываться, – примирительно поднял руки депутат, – плюс кисти и краски самому покупать. Дороже выйдет».

«К тому же, на внуках экономить, – пожал плечами Бочка, – распоследнее дело!»

«Это да», – согласился Штопор.

Казалось бы, за что их арестовывать?! А меж тем, участок карельского леса в 150 тысяч гектар приговорили к незаконной вырубке за откат в семь миллиардов. Рублей, рублей, не пугайтесь. Кнутов-Пряницкий подключил к делу Жука, которого он с тех пор шутейно называл Короедом, древесину тайно вывезли в Финляндию. Все остались при деньгах. А лес... В тех районах половина лесного фонда отдана дровосекам. Подумаешь, завалят 51 процент. Никто и не заметит. Гектары выбрали в глухом медвежьем углу, куда не доберутся экологи или не в меру досужие егеря.

Аферу вряд ли бы удалось раскрыть, но подвели карты Google. Умельцы из партии «зеленых» посмотрели свежую картинку, сравнили с прошлогодними снимками. Налицо проплешины в лесном массиве! Чертовы спутники-шпионы. Наверняка смотрят своими мертвыми глазами-окулярами на Балтийское море и бесстрастно фиксируют, как движется маленькая точка – дирижабль...

Лев Мартынов:-(выкручивается

5 апреля, 9:55

Где-то над Балтийским морем

Доступно: друзья поблизости

Крик ястреба противнее скрежета вилки по дну граненого стакана. И это здесь, в кабине, где часть пронзительного вопля скрадывает бронированное стекло. Снаружи, небось, в два раза хуже звучит. Бедные чайки...

А, нет, птиц на горизонте не видно. Торбен нажал тревожную кнопку вместо будильника.

– Вставай, вставай, встава-а-ай, соня! – горланил летчик. –

Пора маневрировать.

Да, Лев заснул на дежурстве. Понадеялись на него, штурвал доверили, а зря, выходит.

Датчанин обошелся без упреков. Сосредоточился на пульте управления, щелкнул пару рычагов, нажал три кнопки. Дирижабль послушно дернул носом и взревел моторами. Зевающий спросонья пассажир ушел в салон, чтобы не мешать. Хотя и не хотелось туда соваться: Илта – бодрая, умытая, причесанная на пробор, уже ждала с вопросами. Дежурный, про здоровье, он отбил легко: вместо ответа ухватил со стола картонный кубик, с третьей попытки проткнул трубочкой кружок из фольги, – пусть отсохнут руки у того, кто придумал сделать его настолько маленьким! – и втянул живительный сок апельсина. Уф-ф-ф, чудесно. Но дальше при-

шлось-таки рассказывать про Алиек... сандру и светлые чувства. Легенда не выдерживала, трещала по швам и с каждой новой подробностью «счастливым влюбленный» рисковал попасть в переплет.

Финка улыбалась, кивала, иногда хлопала в ладоши – произвольно, будто восторженный ребенок. В те редкие моменты, когда женщина чувствует себя переполненной счастьем, ей безмерно приятно погрузиться в перипетии чужой тоски. Ведь искреннее сочувствие разбитому сердцу, словно лакмусовая бумажка, подчеркивает несовершенство других. О, бедняжечки! Ничего-ничего, у вас тоже, даст Бог, сложится. Все будет хорошо. Как у нас с Торбенем.

И от осознания этого «как у нас», эйфория наполняет тело ощущением, сродни невесомости, а душу – солнечными зайчиками.

Гром грянул спустя двадцать минут.

– Пора бы уже увидеть твою любимую, – проворковала Илта. – Готова спорить, она невозможная красавица. Наверняка в твоём телефоне есть фото, где вы вместе?

Голос достиг той степени сладости, при котором сироп уже не льется, становится вязким. В эту сахарную трясину обманщик влип с обреченностью тонущей мухи. Нет у него фотографий. Снимки, на которых обнимался с Олей, давно стерты в пьяно-сопливом припадке. Новых селфи не делал. Зачем сохранять память об одноразовых девушках?!

Выдумывая оправдание, Лев потянул из кармана айфон.

На его счастье, в новой модели батарея была еще слабее, чем в предыдущей – маленькие хитрости корпорации, желающей продавать больше телефонов.

– Разрядился, – он честно пытался изобразить разочарование, но уголки рта предательски поползли вверх.

– О, ерунда! В том углу есть розетка.

Значит, не амнистия, а отсрочка приговора. Но чего бояться? Не выбросят же его за борт, в набежавшие волны, даже в случае разоблачения. Хотя шум во всех соцсетях поднимут, а это привлечет ненужное внимание к его персоне. Выведет на след охотников.

Лев удивился: выдуманная история сильно зацепила обитателей интернета. Илта показала на экране планшета заоблачные цифры. Десятки тысяч лайков. За каждым вздыбленным пальцем – живые люди, готовые его во всем поддержать. Но если всплывет правда...

Не простят. Окрысятся. Тогда уже нигде не скроешься, не отсидишься, обязательно найдется тот, кто закричит во весь голос: хватайте негодника, пока тепленький!

Кстати, а почему страничка загрузилась? Связи же не было над морем, нарочно проверял несколько раз. Получается, до земли недалеко. Долетели!

Но куда?

Торбен Клеменсен:-) летит домой
5 апреля, 10:27

Остров Борнхольм, Дания

Доступно: всем

Из кабины выглянул рыбоглазый, предупредил:

– Держитесь крепче!

Дирижабль на мгновение замер, буксуя в воздухе, а потом нырнул вниз. Не резко, как прыгун с вышки, нет. Заскользил, словно по ледяной горке с уклоном в 45 градусов, спускаясь к острову, пугающе быстро увеличивающемуся в размерах.

– Борнхольм, – гордо сказал Торбен. – Здесь я родился.

Первая горсть датской земли выглядела куда приветливее давешнего морского чудовища из Швеции. В детстве Лев разбил калейдоскоп, хотел узнать что внутри. Высыпал на ладонь горку цветных осколков и замороженно глядел на них. Пока отец не расколдовал подзатыльником. Скалы, ободранные ветрами до желтизны, крыши домиков – синие вперемешку с розовыми, и вон та пузатая церковь, выбеленная известью. Да, прямо как россыпь стекляшек из «волшебной трубы».

Дирижабль замедлил падение у вершины холма, над стенами древней крепости. Назвать их руинами язык не поворачивался: зубцы на башенках проредило время, но каменная кладка прекрасно сохранилась.

– Викинги построили?

– Нет, это лет через триста после них. И через сто после Гамлета.

Летчик включил автопилот и перешел в салон, чтобы вместе с пассажирами перетрясти несколько веков истории. Остров давно остался позади, а датчанин все сыпал датами, поросшими быльем, выкрикивал имена забытых королей и конунгов. Горделиво подбоченясь и поводя плечами, изображал великих предков, которые отвешивали оплеухи захватчикам – немцам, голландцам и, неоднократно, шведам.

– В 1945 году мы прогнали гитлеровских оккупантов! Мой дед тогда чуть не погиб, но пришли русские и всех спасли, – Торбен хлопнул себя по коленке и приобнял Льва, сидевшего на том же диване. – С тех пор мы любим русских!

– Это потому, что у вас с ними нет общей границы, – поджала губы Илта, – а были бы соседями...

На секунду показалось, что она хочет продлить неловкий момент и прямо сейчас начнет клеймить. Однако свадебная романтика взяла верх. Финка изобразила лицом добродушный смайлик и резко сменила тему.

– Милый, ты знаешь, наш новый друг хотел показать фото невесты! Думаю, телефон уже достаточно зарядился.

– О, замечательно!

Снова загнали в угол и прижали к стенке.

Лев торопливо листал фотоальбом, надеясь отыскать среди тысяч захламлявших айфон снимков подходящую к легенде девушку. Возникло мимолетное искушение предъявить кузину Зину, с которой дурачились в зоопарке у таблички «Лев азиатский. Не кормить!» Но фамильное сход-

ство бросалось в глаза, особенно наполеоновский профиль.

Дальше. Дальше!

Илта уже царапает в нетерпении подлокотник дивана, Торбен ждет с полуоткрытым ртом и, кажется, перестал дышать. Какие же впечатлительные эти скандинавы. Пришлось спешно сочинять, что они с любимой редко фотографируются, поскольку из-за строгого отца вынуждены встречаться тайно, украдкой. Но найду, вы не волнуйтесь, друзья.

И нашел! Блондинка в сером платице. Стройные ноги, тонкая талия. Журналистка Краснопольская... Нет, Красногорская. Точно. Два года назад писала серию статей против строительства платной дороги через заповедник. На одном из пикетов встретились, сели на пенек. Ну, знаете, спина к спине – да, конечно, знаете, у всех подобные снимки в соц-сетях имеются. Девушка откинула голову назад, чуть обернувшись, прикоснулась щекой к его плечу, наполняя стандартную фотографию потаенной интимностью. Да, эта вполне подойдет.

Любуйтесь, чего уж там...

Лев Мартынов:-) бросает якорь

5 апреля, 13:37

Ратушная площадь, Копенгаген

Доступно: Илта Хейкилля, Торбен Клеменсен

Якорь у дирижабля был магнитный – спираль в метр дли-

ной, увенчанная громоздким шаром. Эта мощная штука покачалась в воздухе, с каждым разом уменьшая амплитуду, и намертво прилипла к шпилю старинной ратуши. Торбен нажал на кнопку, трос намотался на скрытую под днищем катушку и притянул «Солнечный вздох» прямо к смотровой площадке одинокой башни.

Летчик спрыгнул первым, протянул обе руки Илте и снял ее с подчеркнутой легкостью. Лев шагнул следом за ними, осматриваясь на ходу. Высота уже не пугала, хотя желудок по привычке наполнился холодком. Площадь, вымощенная узорчатыми плитками, поражала своими размерами: даже памятники Церетели могли бы тут затеряться.

Спускались по винтовой лестнице, как и положено в древних башнях. Начал было считать ступеньки, но сбился и поверил викингу, что их ровно триста. Навстречу регулярно попадались туристы, приходилось жаться к стене – правило хорошего тона: пропускать тех, кому тяжелее. Задыхаясь и сопя, люди тащились наверх, сокрушаясь на разных языках об отсутствии лифта. Перебьетесь, граждане, и так исторический центр осовременили, мама не горюй. Слева KFC, справа – Старбакс и Макдональдс. Глаз выцепил только эти вывески: голодной куме все одно на уме. Хотя и не про то приписка...

Молодожены хотели не хлеба, а зрелищ. Пока Лев захлебывался слюной, они сбежали в боковую улочку, где зазывала у музея глотал меч. Явно средневековый, с пятнышка-

ми ржавчины и зазубринами на лезвии. Мужичок давал всем желающим потрогать или подержать железяку в руках, убедиться, что нет никакого обмана, а потом погружал меч в рот.

По самую рукоятку.

– Как он это делает?! – восхитился Торбен, полностью разделяя ахи-охи остальных зрителей.

– Дорогой, я тебе вечером покажу, – промурлыкала Илта и добавила шепотом нечто, заставившее покраснеть ее мужа.

Перекусили второпях. Спешили в гавань, к бронзовой Русалочке. Нет, она, разумеется, никуда не убежит, но хотелось успеть до дождя. А в том, что эти тучки, заходящие с запада, скоро прольются, сомнений не было.

– У нас всегда дождь, – ухмыльнулся датчанин. – Зимой холодный, весной теплый, а летом даже горячий.

**Илта Хейкилля отметила на фото Льва Мартынова.
Добавить в хронику.**

На прощанье сделали совместное селфи у клумбы. Не успели сказать «сы-ы-ыр», а с неба уже упали первые крупные капли, расплываясь по экрану смартфона, наполняя чашечки только-только проклюнувшихся крокусов – желтых и фиолетовых. Илта поцеловала Льва в щетинистый подбородок.

– Когда все закончится, приезжай в гости. С Алиек... сан-

дрой.

– Она чудесная, дружище, – тряс его руку Торбен. – Ради такой девушки стоит облететь целый мир!

Сташек Долиньский оставил комментарий
к записи Льва Мартынова:
«Холера! Возьми трубку!»

Телефон в кармане снова завибрировал. Уже в третий раз. Номер абонента скрыт. Отвечать не хотелось. Может это Интерпол, запеленгуют и пиши пропало. А если приятель Жука? Ну как приятель, скорее, подельник. Хотя чья бы свинья хрюкала... Сам-то не без греха. Бежишь, перепрыгивая с облака на облако, пытаешься отсрочить неизбежное. Но ведь рано или поздно сила гравитации доберется до тебя. Приговаривая: а где это мой Левушка, а вот он, мой Левушка!

Падать придется долго, страшно и, в итоге, больно.

– Алло.

– Наконец-то, ответил! Dzień dobry⁷. Это Сташек. Откуда тебя забрать? – он говорил по-русски, словно жевал кашу, впрочем разобрать можно.

А можно ли доверять?

Жук хоть и сукин сын, но нашенский, связан со Львом общим делом. Перед глазами беглеца нарисовалась пухлая папка с белыми шнурками на боку и тиснением «Следственный комитет Российской Федерации. Дело No__». Тьфу, тьфу, не

---

⁷ Добрый день (польск.)

дай Бог! А незнакомый пройдоха из Дании продаст его за несколько местных крон, не моргнув глазом. Нельзя об этом забывать, ни на минуту. Да и вообще, те кто меньше верят людям и всегда ждут подвоха от окружающих, живут гораздо дольше, чем наивные простофили.

– Я не смогу произнести название этой улицы даже под пытками, – Лев укрылся от дождя в какой-то арке, поискал глазами ориентир. – О, тут есть фонтан!

После пары уточняющих вопросов, поляк сказал «Jasne⁸» и отключился.

Лев Мартынов – >> путешествует в Христианию

5 апреля, 16:42

Копенгаген, Дания

Доступно: Сташек Долиньский

Ярко-синее небо опрокинулось на спину и заплескалось в неглубоких лужах. Дождь выжал из тучек все возможные капли и теперь ждал, пока приятель-ветер пригонит новую партию. Лев не спешил выходить из уютной подворотни, отсюда удобнее наблюдать. На какой машине приедет Сташек? Логика подсказывала: аферисты всегда пускают пыль в глаза, значит стоит обращать внимание на дорогие Мерседесы или БМВ. Страх же сжимал сердце (и некоторые другие мышцы)

---

⁸ Понял (польск.)

при виде бело-синих Фольксвагенов с надписью POLITI⁹ и мигалками. Мимо фонтана они сновали с завидным постоянством.

Но поляк удивил.

– Велосипед?!

– Так, – кивнул Долиньский. – В Дании транспортный налог огромный, могут насчитать больше, чем сама машина стоит. Народ, в основном, и выбирает два колеса, вместо четырех. А в нашем деле необходимо сливаться с толпой и не привлекать к себе внимания. Rozumiesz?¹⁰

Лев присматривался к новому знакомцу. Светлые волосы торчат во все стороны, будто развороченный сноп сена. Борода с четко простриженным контуром усов, такая же могла быть у Чехова, заделайся писатель хипстером. Красные кеды и очки с оранжевыми стеклами. Таких велосипедистов в Копенгагене сотни, легко растворяться в толпе.

– А дальше? Повезешь меня на багажнике?

Оба представили эту картину и улыбнулись.

– Не-не! На автобусе доберемся, остановка за углом.

Сташек прислонил велосипед к стене дома и махнул рукой: догоняй.

– Подожди! Ты что, оставишь прямо на улице? Украдут ведь.

---

⁹ Полиция (датск.)

¹⁰ Понимаешь? (польск.)

– В Москве или Кракове украдут, w jednej chwili¹¹. А в Дании за это дают год тюрьмы. Конечно, их застенки не страшнее пряничного домика, но год жизни терять из-за дешевого велосипеда никто не захочет. На то и расчет.

Лев не стал уточнять, откуда пану известно о здешних исправительных учреждениях. Знает и знает, подумаешь. Куда интереснее было выпросить про Христианию. Коммуну хиппи, захвативших лет сорок назад полуразрушенные армейские казармы и сумевших сделать на их месте независимое королевство. Островок свободы, равенства и братства.

Make love, not war¹².

Бла-бла-бла.

– На самом деле, разогнать могли за полдня. Бульдозером бы отутюжили, чтоб и следа не осталось. Но хиппарики быстро договорились с мэрией и полицией о совместной выгоде, – Сташек потер палец о палец, пересчитывая невидимые купюры.

– Взятки?

– Oczywiście¹³, без них не обошлось. Но обнаружилась и явная выгода для города: туристы толпами повалили в коммуну, курнуть травки или вкусить еще какой дряни. А покуролесив вволю, они шли ночевать в гостиницы respectable части Копенгагена, где оставляли кучу денег. Аэропорт,

---

¹¹ Моментально (польск.)

¹² Занимайтесь любовью, а не войной (английск.) – девиз хиппи.

¹³ Конечно (польск.)

вокзалы, музеи, торговые центры, – у всех выросла прибыль. А что еще бюргеру для счастья надо? Полиция тоже смекнула: нужно обнести злачное место стеной и избавить себя от хлопот. Пусть укурыши и хулиганы кучкуются в этом квартале, а не расползаются по городу. Один большой гнойник на заднице предпочтительнее россыпи мелких прыщей по всему лицу.

Лев понимающе кивал головой, – любое безобразие, которое власть не может побороть, проще всего узаконить. Хотя бы на словах.

У входа в царство медитативного пофигизма на двух столбах висело предупреждение: «Внимание! Вы покидаете территорию Евросоюза». Граница. Но ее никто не охраняет. Нет замков и решеток. Паспортный контроль? Да вы с ума сошли! Здешний люд против любого контроля и паспортов. Живи и дай жить другим, как завещал великий Леннон. Или Маккартни? Не важно, брат. Оба молодцы.

Ароматный дымок плыл над улицей, подгоняемый серебряными переливами двух гитар и медью простуженного саксофона. По стенам разбегались граффити, в основном цветы, фрукты и кислотно-причудливые узоры. Кое-где чернели надписи. Смотрелись они нелепо, как таблетка активированного угля в коробке леденцов. Льву бросилось в глаза самое популярное русское ругательство, выведенное на уровне второго этажа, причем вместо точки над Й талантливый художник изобразил герб СССР.

Люди, живущие в Христиании, были под стать своим домам. Разрисованные. Руки, плечи, груди, лица – все, что не скрывалось от посторонних глаз и весенних сквозняков, – заполняли татуировки. Это выделяло местных в любой толпе туристов, это и еще пустой взгляд. Тотальное отсутствие интереса к окружающему буйству красок. Такое равнодушие присуще черно-белым телевизорам, когда они показывают новую серию «Звездных войн». Или бразильский карнавал...

Часто встречались знаки, сделанные по типу дорожных: перечеркнутые машины, шприцы и кулаки. Даже в хипповском раю, где на каждом шагу пахнет свободой (аж в горле уже першит), существуют запреты. Скажи нет дракам и тяжелым наркотикам! А машину оставь за воротами. С нарушителями не церемонятся: гонят взащей обратно в Копенгаген, где законов, правил и условностей несоизмеримо больше.

Они прошли центральную улицу до самого конца, свернули к белому дому. Строгому и серьезному, словно медсестра в дурдоме. Никаких украшений, лишь крылечко из трех ступенек с кованными перилами да неброская вывеска «Trofaste hustru».

– «Верная жена», – перевел Сташек с датского. – Твое новое жилище.

– Гостиница?

– Лучше. Это бордель.

Лев Мартынов:-(теряет ориентацию

7 апреля, 10:26

Христиания, Копенгаген

Закрытая запись

Проснуться в незнакомом месте от дикой головной боли и с похмельно-высохшим языком...

Это уже стало традицией.

Да-да. Последние пару лет каждое утро начинается одинаково: в голове перекатываются кусочки воспоминаний, из которых нужно сложить пазл. Может быть, тогда удастся понять, отчего так погано на душе.

Пить он начал, когда ушла Оля. Боль не прошла, но притихла и забилась поглубже. С тех пор, если выскакивала из норки, то получала двойной удар. Чаще тройной. Еще чаще залп из всех стволов, занимавших стратегически выгодные высоты за барной стойкой.

Хотя...

Может Лев просто обманывает себя и все началось гораздо раньше? После того, как провернул первую незаконную сделку. В тот же вечер урезался в хлам чем-то дорогим и шотландским. Совесть топил, но эта стерва выплыла, отряхнулась на берегу и снова вгрызлась в мозг. Пришлось достать бутылку побольше, уже литровую.

С недавних пор в его жизни появился еще один повод вы-

пить. Страх бегущего зайца. Вроде бы косою все делает правильно, петляет, запутывает следы, отпрыгивая неожиданно в сторону, меняет цвет одежды под сезонный фон. Но чуткие уши все равно различают далекую поступь охотников. Сердце колотится в бешеном ритме, от малейшего щелчка или хруста. Ветка под сапогом? Ружейный затвор? Сжаться под кустом, перевести дух.

А в это время кто-то большой и отвратительно пахнувший, соединяет прицел и мушку, проводит воображаемую линию дальше, пока не уткнется в пушистый затылок. За секунду до выстрела у беглеца появляется металлический привкус во рту, он подбирает задние лапы и прыгает. Успеет? Или забьется в агонии, причитая: на что я вам сдался, серенький и невзрачный, из меня и рагу-то толком не приготовишь, ну кому, кому вы будете хвастаться столь бездарным трофеем?! Но вряд ли суровые дядьки с двустволками обратят внимание на затихающий бубнеж. Им крайне важна твоя шкурка, без нее тулуп не сшивается. Поэтому охоту никто не отменит, иначе дичь покрупнее придется выпускать из клеток.

Эта фаза подкустового ожидания – она ведь хуже всего. Ты не знаешь, кто именно тебя преследует, близко ли они крадутся и с какой стороны зайдут в итоге. Хочется сломя голову бежать вперед, уже дергаешь хвостиком, высовываешься... Но вдруг там капканы и ловушки?! Come back¹⁴ в заросли! А накатило бы заяц сто грамм, для храбрости...

---

¹⁴ Возвращайся (английск.)

Лев вчера вечером накатил. Э, нет, позавчера, получает-ся. Точно. Сташек познакомил его с пани Иреной, хозяйкой самого необычного борделя в Христиании и за ее пределами, вероятно, тоже. Здесь не было ни одной проститутки. Сплошь скучающие домохозяйки или бизнес-леди, у которых вечно не хватает времени на личную жизнь. Все – замужние, это главное условие. Они приходили в скромных плащах и туфлях без каблуков, с невымытыми волосами, стянутыми в унылый пучок. Гусеницы в коконах своих ежедневных проблем. А полчаса спустя порхали бабочками в ярких развратных нарядах, готовые ублажать незнакомцев.

– Всем замужним женщинам хочется время от времени секса на стороне. Но заводить любовника... Это настоящая морока. Начнет потом подстерегать у порога, названивать, люблю, жить без тебя не могу. Встречаются разные Idioci¹⁵. Муж застучает, потребует развода. Кому оно надо? – пани Ирена обрушила лавину опыта с высоты пятидесяти прожитых лет. – А у нас можно разлечься без проблем.

Хозяйка борделя сносно говорила по-русски, обожала романы графа Толстого, потому и согласилась приютить у себя тезку великого писателя. Кроме того, Лев свалился с неба очень кстати: нужно подменить на вечер заболевшего бармена. Он смешивал коктейли, общался с «бабочками» и «энтомологами», желающими их пришпилить. Постепенно узнавал подробности, мысленно аплодируя пани Ирене.

---

¹⁵ Идиоты (польск.)

Любая земля слухами полнится, в том числе и датская. Все... Согласен, правильнее сказать – большинство жен в Копенгагене знали адрес заведения. Сотни дам заглядывали единожды, чисто попробовать. Десятки появляются раз в три месяца, когда муж в командировке. А есть настоящие энтузиастки. Ульрика, – высокая блондинка, томная и раскованная, – ходит как на работу. Понедельник, среда, пятница. При этом денег не требует. И остальные тоже, они же не шлюхи, в конце концов! Поэтому хозяйка всю добычу оставляет себе, а посетители платят щедро, куда больше, чем в любом публичном доме Дании. Оказывается, бывают моменты, когда непрофессионализм ценится дороже.

Только не за барной стойкой. Нет, по части коктейлей Лев был академиком. Годы, проведенные на высоких табуретах, не прошли впустую; рецепты и способы приготовления он знал наизусть. Но совершил ошибку, свойственную любому новичку – стал допивать все, что оставалось в шейкере. Подумаешь, пара капель на доньшке. Воробью мало!

Через три часа все вокруг стало оранжевым и зеленым, а местами еще и ярко-синим, – отдельный привет ликеру «Кюрасао»! – словно волшебный единорог перебрал и заблевал комнату радугой. Лев попытался рассказать об этом пани Ирене, невнятно мыча и прикладывая палец ко лбу. Хозяйка поцокала языком, а потом выставила на улицу – подыши, dudek¹⁶, свежим воздухом.

---

¹⁶ Дурашка (польск.)

Знаете, как нелеп и страшен заяц во хмелю? Знаете, по глазам вижу, встречали таких. Беглец не стал тупо сидеть на крылечке. Прибился к компании шатающихся «белых воротничков», гудел за их счет до пяти утра, заснул в пустом подвале. Как он туда попал – ни бум-бум, но давешний единокор и тут гарцевал, судя по подсыхающим пятнам на полу. И на стенах. Пятна Лев увидел ближе к полудню, когда удалось разлепить глаза. Снаружи накрапывал мелкий дождь и на душе стало до того тоскливо, что вспомнилась песня Юрия Лозы про ма-а-аленький плот. Пришлось затянуться самокруткой, протянутой добрым незнакомцем, чтобы прогнать навязчивую мелодию из больной головы. Крупная капля с неба упала прямо на самый кончик, едва не погасив огонек. Пара стремительных вдохов и *that's all right, mama*¹⁷

---

¹⁷ «Все в порядке, мама» (английск.) – известная песня Элвиса Пресли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.